

Analyzing the phenomenon of borrowing as a lexicography problem, G. A. Khaburgayev stressed that the establishment of a foreign-language etymology of a word does not include it “automatically in the category of borrowings of a given language”, therefore, it is necessary to search for correct lexicographical symbols for lexical borrowings that entered the Russian language at different periods of its history and do not stand out “From the general circle of words of the corresponding lexico-semantic groups”. The methodology of etymological studies of borrowed vocabulary allows solving many questions, including the establishment of lexical borrowing and the systematization of foreign vocabulary.

When classifying loanwords must be considered the formal (assimilation of words in the borrowing language) and functional (use of words in the borrowing language) features. By the degree of adaptation of lexical units in the system of the Russian language-recipient it is possible both complete and partial assimilation of the German-language vocabulary. Partially assimilated vocabulary can be divided into the following groups: 1) German-language vocabulary assimilated at the graphic and grammatical levels; 2) German-language vocabulary, assimilated at the grammatical level; 3) German-language vocabulary, assimilated on the word-level level; 4) German-language inclusions with the preceding and subsequent Russian equivalents. The research is based on actual data obtained by different linguists, and on the results of the author's own observations.

Keywords: *lexical borrowing, morpheme composition, language-source, language-recipient.*

Г. С. Яроцкая
Одесский национальный университет
имени И. И. Мечникова

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЯ СОСЕДСТВА В РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Статья посвящена изучению метафорического моделирования российско-украинских отношений в масс-медиа дискурсе России. Особое внимание уделяется модели соседства. В понимании соседства как межличностных отношений наблюдаются культуроспецифические моменты, суть которых заключается в акценте на конкурентности и недоверии в семантизации соседства в украинской лингвокультуре и в актуализации сем взаимовыручки и кооперативности в русской лингвокультуре.

Ключевые слова: *лингвоаксиология, метафорическое моделирование, медиадискурс, соседство.*

Метафоричность политического дискурса – это средство осознания, моделирования и оценки политических процессов, инструмент воздействия на сознание граждан. Метафоры широко представлены в медиадискурсе, что обусловлено их способностью отвечать основным требованиям, предъявляемым к языку прессы: для них свойственны оценочность, эмоциональность, единство стандарта и экспрессии, образность, точность.

В медиадискурсе метафоричность выступает как средство фокусирования внимания, объяснения понятия или ситуации под

определенным углом зрения в целях формирования у адресатов определенной точки зрения.

Актуальность рассмотрения лингвистической проблематики “соседства” как типа межгосударственных взаимоотношений вызвана тем, что языковые факты способны отразить уровень социальной рефлексии относительно российско-украинских взаимоотношений, а также тем, что анализ медиадискурса покажет тенденции формирования новых понятийных связей и конструирования новых концептуальных схем осмысления реальности.

Целью данной статьи является описание одной из моделей языковой репрезентации российско-украинских отношений – модели “соседство” в текстах российских СМИ. Применение семантико-когнитивной методики к проблематике международных отношений мы считаем вполне оправданным.

Известен ряд работ, посвященных исследованиям метафоры в российской и украинской политической лингвистике: А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, Т. Дурович, Н. Н. Клочко, В. Л. Кравченко, И. В. Хохлачева, А. П. Чудинов, Г. М. Яворская и др. Однако анализ метафорического моделирования российско-украинских отношений на материале текстов российских медиа, насколько нам известно, не проводился.

Несмотря на многообразие представленных в российских медиатекстах метафорических моделей (*братья, партнеры, друзья, супруги* и др.), мы уделим внимание модели “соседства” как наиболее характерной с точки зрения аксиологических несоответствий в русской и украинской лингвокультурах.

Анализ российского медийного пространства за период с 2004 по 2017 гг. позволяет сделать вывод о том, что в современных СМИ продолжают существовать определенные модели, унаследованные от советского периода, когда Россия и Украина осмысливались как *братья*, однако смену идеологических коннотаций ярко иллюстрирует следующий пример: *...в конечном итоге эта необъяснимая колористика заставляет вспомнить о национальных цветах бывших родственников, а ныне просто соседей – украинцев* (2012).

Однако смена оценки (с положительной на отрицательную или наоборот) не гарантирует сама по себе избавления от соответствующих идеологизированных моделей, поскольку антитоталитарный язык постсоветского периода воссоздает те же самые концептуальные схемы, что и его тоталитарная разновидность.

Распад Советского Союза превратил границу между поистине братскими народами в линию размежевания (2013).

Отношения России и Украины обострились в период объявления Украиной своего европейского выбора.

Переход на “соседские отношения” отражает понижение статуса по сравнению с предыдущей концептуальной схемой родства-братства. Особенно остро это ощущается теми, кто жил в “семье братских народов”, где речь шла о “дружбе народов” как о членах большой семьи. После распада Советского Союза идея “генетического и политического братства” сменилась “политикой соседства”: *Благодаря усилиям политиков и ангажированных СМИ определенная часть жителей обеих стран (особенно это относится к молодежи, не успевшей пожить в общем доме – Советском Союзе) сегодня смотрит на соседей с плохо скрываемым раздражением и недоверием* (2015).

В российском медиадискурсе *газовыми войнами* названы события, сопровождавшие переговорный процесс по поставкам газа в Украину: *Киев и Москва делили Черноморский флот, определялись со статусом Крыма и вели бесконечные “газовые войны”, не имея под рукой никакого другого документа, к которому можно было бы апеллировать, уличая соседа в “недобросовестности”* (2015); *В нулевые стилистика отношений изменилась: после “оранжевой революции” Москва научилась использовать газ в качестве механизма давления на соседа* (2015).

Иерархия ценностной шкалы может быть построена следующим образом: братство – дружба – соседство. Братство и дружбу объединяет сочувствие, эмоциональная солидарность, взаимопомощь, но братство в отличие от дружбы обладает силой и постоянством, дружба же менее надежна с точки зрения русской аксиосистемы и поэтому становится на второе место в иерархии ценностей. Россия выступала по отношению к Украине как старший брат (что само по себе уже говорило об асимметричности отношений в аксиосистеме родства). Но если в российском медиадискурсе мы не обнаружили подобных обозначений, в украинских масс-медиа метафора “старшего брата” приобрела ярко выраженную негативную оценку. Ирония свойственна всем контекстам, где Россия эвфемистично названа *старшим братом*, особенно с учетом аргумента, к которому часто апеллируют украинские масс-медиа, что Киевская Русь появилась раньше Москвы.

Понимание соседства в украинской и русской лингвокультурах, имеет, с нашей точки зрения, некоторые различия. В украинском и русском языках *соседство (сусідство)* – это тип межперсональных отношений между людьми, которые живут рядом. Иначе говоря, интегральные доминантные семы в русском и украинском языках характеризуют соседство как тип межперсональных отношений. Основным значением прилагательного *сусідний (соседний)* является пространственная близость, но значение пространства как территории, которая имеет длину и ширину, не входит в семантику лексемы *сусідний*. Пространственный компонент понятия

соседства в украинском языке лимитирован – это прежде всего семантика смежности и черты (границы). В сфере метафорической концептуализации эта семантика способна породить идею границы и разделения, разъединения, метки, за которой начинаются пространства “не-нашего” или “чужого”.

Соседство по-русски предполагает симметричные статусно-ролевые отношения в отличие от украинского *сусідства*. Прагматика оценки *соседа* зависит от позиции говорящего в конкретном речевом акте: *плохой сосед* – тот, который не соответствует нормативным представлениям о соседстве, то есть недружелюбный, нечестный (вороватый), завистливый: *Украина – самый худший сосед России и “Газпрома”, который воровал и продолжает воровать газ <...> (2012); В Москве же сетуют на неполноценность украинского государства и неспособность нынешних его граждан к самоидентификации, что, в свою очередь, порождает зависть и желание уязвить более состоятельного соседа (2015).*

Проблема усложняется тем, что в русской лингвокультуре семантика соседства отличается скорее позитивным восприятием соседа в духе идеологии родства-соседства: *по-соседски*, значит, доброжелательно, тепло, дружественно.

У многих рабочих через границу родственники, до нее всего 40 км, и как жить и торговать без российского соседа здесь не представляют (2013); Хуже соседа, чем Украина, у России не было (2012). Название статьи: *“Заклятые соседи”. Россия и Украина: история “братских отношений” (2015).*

Соседи в русской лингвокультуре это не просто люди, живущие рядом, но и те, которые могут рассчитывать на взаимопомощь, поддержку и дружеское отношение. Кооперативность, а не конкурентность характеризует русское понимание соседства: *...ее идеологическая составляющая, подпитывающая обоюдную неприязнь в отношениях между соседями, может серьезно повлиять не только на результат и без того сложных переговоров, но и на историческую перспективу для народов Украины и России (2015).*

Исходя из ценностей взаимовыручки и поддержки в отношениях соседства, Украина выглядит как “неблагодарный сосед”: *Сосед, таинственно спасаемый тобою <...> Россия фактически спасает Украину от банкротства, прекрасно зная, что не получит тех слов благодарности, которые она заслуживает (2010).*

В современном русском языковом сознании, как свидетельствуют новейшие ассоциативные словари, стимул *сосед* вызывает (среди прочих) ассоциации *Украина* и *Белоруссия*. Среди ассоциатов на стимул *сусід* в

украинских словарях аналогичных реакций (*Россия, Белоруссия*) не зафиксировано [1, с. 328].

Однако сравнение русских ассоциативных полей за последние десять лет показали резкое увеличение негативных ассоциаций и сокращение позитивных [3; 4]. По состоянию на 2017 г. русское языковое сознание резко изменило свою оценку “соседа”. Так, по нашим подсчетам, соотношение позитивных, нейтральных и отрицательных ассоциаций на стимул *sosед* (в процентах) показывают следующие цифры: 12 : 40 : 48. Это означает, что негативные реакции преобладают, хотя сумма нейтральных и позитивных оценок незначительно превышает негативное отношение к соседу в коллективном сознании русских [<http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>].

Сусіди в украинских культурных сценариях находятся в отношениях жесткой конкуренции. *Сусід* в украинской лингвокультурной традиции – это чужой человек. Коннотации “враждебности” и “равнодушия” являются типичными для понятия соседства в украинской лингвокультуре [6, с. 67]. Это подтверждают также данные украинского ассоциативного словаря, где наиболее частотными являются ассоциаты – *зздрісний, лихий, ворогуватий* [1, с. 328]. Таким образом, мы снова оказываемся в семантике противопоставления чужого, не-своего.

Ироничность текстов, которые отражают негативное восприятие так называемой политики соседства с Россией, характерна для политического дискурса Украины с 2013 г. Россия и россияне все чаще представлены как *північні сусіди (северные соседи), сусідня країна (соседняя страна)*, что напоминает эвфемистические выражения, используемые в целях демонстрации дипломатической сдержанности, что однако не мешает эксплицировать коннотации недоверия, опасности и агрессивности (*сусідня країна-агресор*).

В схеме межперсональных отношений сосед не только оценивается ниже, чем член семьи, но и оказывается противопоставленным семье, как чужой человек. После 2014 г. эти коннотации проявили себя в вербальных инвективах и других негативных эмоционально-окрашенных лексемах, употребляемых в украинских медиа по отношению к *северному соседу*. В российском медиадискурсе дана оценка этому – *бестактные выпады: Не только простой народ, а и политики, отбросив дипломатический этикет, позволяют бестактные выпады в адрес соседей* (март 2016); *Увидеть сегодня в Украине обидные надписи, адресованные ее северному соседу – России – можно в любом месте* (март 2016).

Пространственные характеристики в идентификации “соседа” различны (*ближайший сосед, северный сосед, восточный сосед*): *Россия без особого энтузиазма относится к идее вступления ближайшего соседа в ЕС* (2014); *Брюссель допустил ошибку в оценке проблемы в отношениях между ЕС и*

Украиной. Ею не является Тимошенко. Проблемой является политика натиска и шантажа, который по отношению к Украине применил её **восточный сосед**. **Восточный сосед** – это мы с вами, Россия (2014); Он выступает за возвращение в паспорта графы “национальность”, “законодательное разграничение” этнических украинцев и нацменьшинств, а также введение виз с Россией и требование у **восточного соседа** компенсаций “за геноцид украинского народа” (2016).

Некоторые контексты российского медиадискурса эксплицируют попытку сменить риторику вражды на поиск мирного (соседского) сосуществования: *И это вкупе с накопленным опытом решения конфликтных вопросов, а также с учетом того, что ни один разумный украинец не видит в русском человеке врага и наоборот, дает надежду на то, что в будущем **ближайшие соседи** не вступят в открытую драку по очередному надуманному поводу* (2015).

Соседи как территориально, географически близко живущие народы, скорее постоянная характеристика, поэтому *худший сосед* тоже не перестает быть соседом: *Российский коллега Кравчука Борис Ельцин не только не потребовал, но даже не попросил о таком “одолжении”*: положение российского президента было тогда чрезвычайно шатким, и обострять ситуацию конфликтом с **ближайшим соседом** он не желал (2015).

Таким образом, анализ вербализации “соседских” российско-украинских отношений в текстах российских СМИ в лингвоаксиологическом аспекте свидетельствует о следующих тенденциях:

1) модель соседства является новой схемой, поскольку ранее российско-украинские отношения не моделировались по схеме соседства;

2) в понимании соседства как межличностных отношений наблюдаются культуроспецифические моменты;

3) суть различий в семантизации соседства заключается в присутствии в украинской лингвокультуре смысловых акцентов на конкурентности, враждебности и недоверии, в то время как в русской лингвокультуре актуализирована сема взаимовыручки и кооперативности в соседских отношениях.

Возникновение новых схем в концептуализации отношений между Россией и Украиной (модели соседства, партнерства и модель вражды пришли на смену модели братства) говорит о новой риторической модальности в российском медиадискурсе, которая, однако, во многом зависит от идеологических пристрастий автора-адресанта: нами зафиксирована текстовая модальность ностальгии (Н. А. Купина) по советскому прошлому и концептуальной метафоре братства, также активна модальность обличения и обвинения в концептуальных схемах соседства и вражды.

Л и т е р а т у р а :

1. *Мартінек С. В.* Український асоціативний словник : у 2 т. Т. 1. Від стимулу до реакції / С. В. Мартінек. – Львів : Вид. центр ЛНУ ім. І. Франка, 2007. – 351 с.
2. Новое в когнитивной лингвистике XXI века. Сер. “Концептуальные исследования”. Вып. 20 : сб. науч. ст. / отв. ред. М. В. Пименова. – К. : Изд. дом Д. Бураго, 2013. – 496 с.
3. Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка : в 3 ч., 6 кн. / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. Кн. 1, 3, 5. Прямой словарь : от стимула к реакции. Книга 2, 4, 6. Обратный словарь : от реакции к стимулу. – М., 1994; 1996; 1998.
4. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции : ок. 7000 стимулов. – М. : АСТ-Астрель, 2002. – 784 с. ; Т. II. От стимула к реакции : более 100 000 реакций. – М. : АСТ-Астрель, 2002. – 992 с.
5. *Чудинов А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2003. – 248 с.
6. *Яворська Г.* Непевний об'єкт бажання : Європа в українському політичному дискурсі : монографія / Г. Яворська, О. Богомолів. – К. : Вид. дім Д. Бураго, 2010. – 132 с.

R e f e r e n c e s :

1. *Martinek S. V.* Ukrainskiy asotsiativniy slovar [Ukrainian associative dictionary] : v 2 t. T. 1. Vid stimulu do reaktsii. – Lviv : Vid. centr LNU im. I. Franka, 2007. – 351s.
2. Novoye v kognitivnoy lingvistike XXI veka [New in the Cognitive Linguistics of the 21st Century]. Ser. “Kontseptualniye issledovaniya. Vyp. 20 : sb. nach. st. / отв. red. M. V. Pimenova. – K. : Izd. dom D. Burago, 2013. – 496 p.
3. Ruskij asotsiativniy slovar. Assotsiativniy tezaurus sovremennogo russkogo yazyka [Russian Associative Dictionary. Associative thesaurus of the modern Russian language] : v 3 ch., 6 kn. / Yu. N. Karaulov, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov, N. V. Ufimtseva, G. A. Cherkasova. Kn. 1, 3, 5. Pryamoy slovar : ot stimula k reaktsii. Kn. 2, 4, 6. Obratniy slovar : ot reaktsii k stimulu. –M., 1994; 1996; 1998.
4. Ruskij asotsiativniy slovar [Russian Associative Dictionary] : v 2 t. / Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov, T. I. Ot stimula k reaktsii : ok. 7000 stimulov. – M. : AST-Astrel, 2002. –784 p. ; T. II. Ot stimula k reaktsii : boleye 100 000 reaktiy. – M. : AST-Astrel, 2002. – 992 p.
5. *Chudinov A. P.* Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii : monografiya [Metaphorical mosaic in modern political communication: Monograph]. – Ekaterinburg : Izd-vo UrGPU, 2003. – 248 p.
6. *Yavorska G.* Nepevniy obyekt bazhannya : Evropa v ukrainskomu politichnomu diskursi [Uncertain object of desire : Europe in the Ukrainian political discourse] : monografiya / G. Yavorska, O. Bogomolov. – K. : Vyd. dim D. Burago, 2010. – 132 p.

С п и с о к и с п о л ь з о в а н н ы х и с т о ч н и к о в :

1. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <https://ru.tsn.ua/groshi/huzhe-sosedachem-ukraina-u-rossii-ne-bylo-osnovatelgazproma.html?action=sort&sort=first&slice=0&limit=20>.
2. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <https://lenta.ru/features/rosukr/gas>.
3. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <https://lenta.ru/features/rosukr>.
4. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <https://lenta.ru/features/rosukr/end>.
5. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.krugozormagazine.com/show/ukraine-russia.2964.html>.
6. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <https://lenta.ru/features/rosukr/tuzla>.
7. “Комсомольская правда”, 04.12.2014.
8. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.segodnya.ua/blogs/korneichukblog/Blog-Ukraina-i-Rossiya-vragi-ili-druzya-454951.html>; 19.08.2013.
9. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <https://ru.tsn.ua/groshi/huzhe-sosedachem-ukraina-u-rossii-ne-bylo-osnovatelgazproma.html?action=sort&sort=first&slice=0&limit=20>.
10. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <https://life.ru/t/869292>; 18.05.2016.
11. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : https://m.lenta.ru/columns/2017/06/26/the_ukraine.
12. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>.

Яроцька Г. С. Лінгвоаксіологія сусідства в російській та українській лінгвокультурах.

Стаття присвячена вивченню метафоричного моделювання російсько-українських відносин в мас-медіа дискурсі Росії. Особлива увага приділяється моделі сусідства. У розумінні сусідства як міжособистісних відносин спостерігаються культуроспецифічні моменти, суть яких полягає в акценті на конкурентності та недовірі в семантизації сусідства в українській лінгвокультурі та в актуалізації сем взаємовиручки і кооперативності в російській лінгвокультурі.

Ключові слова: лінгвоаксіологія, метафоричне моделювання, медіадискурс, сусідство.

Yarotska G. S. Lingual axiology of neighborhood in Russian and Ukrainian linguacultures.

The article is devoted to the study of metaphorical modeling of Russian-Ukrainian relations in the Russian mass media discourse. Particular attention is paid to the neighborhood model. Despite of the fact that Russian-Ukrainian relations have traditionally been represented by kinship / brotherhood models, today, when relations between states are tensed, in the Russian media discourse the linguistic axiology of kinship gives place to the metaphorical models of neighborhood, partnership and enmity. Russian media discourse actively uses the neighborhood model that has come to replace the brotherhood model of the relations between the two states. However, there are differences between the understanding of the neighborhood model in Russian culture and the understanding of the neighborhood model in Ukrainian culture. Perceptions of the metaphorical model of neighborhood differ in the investigated linguacultures. The concept of neighborhood in Ukrainian culture actualizes as meaning competition and distrust between neighbors. The Russian understanding of neighborhood includes mutual assistance and cooperation in neighbor relations.

Keywords: lingual axiology, metaphorical modeling, media discourse, neighborhood.